

Безрукавая Марина Васильевна

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНАХ М. ЕЛИЗАРОВА

Статья посвящена комплексному исследованию концепции человека в романах М. Елизарова. В качестве примера были отобраны такие романы как "Библиотекарь", "Pasternak", "Мультики". Особое внимание автора уделено противостоянию человечности (кстати, хорошо вооруженной) сатанинским силам, а не конфликту человека с человеком. Основное внимание в работе автор акцентирует на героях, с их амбивалентным конфликтом и их безысходностью отстаивать свои идеи, но идеи эти восходят к низкопробным идеям слабого советского писателя. Поэтому мы не можем сказать, что герои сами выбирают подвиги, во имя которых они живут, скорее всего, это влияние различных артефактов, дающих им слепую веру в происходящее.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 31-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

VALUATION COMPONENT OF MEANING OF PHRASEOLOGICAL
AND PAROEMIOLOGICAL UNITS WITH ORNITHONYM COMPONENT
(BY MATERIALS OF THE ENGLISH, TATAR AND RUSSIAN LANGUAGES)

Ayupova Roza Allyametdinovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Sakhbullina Kadriya Azatovna

Kazan Federal University

ayupova@yahoo.com; kadria85@yahoo.com

This work is devoted to the study of phraseological and paroemiological units with ornithonym components in the English, Tatar and Russian languages. The basic attention is given to the study of valuation component of meaning. Also the attempt is made to find the reason of allotting ornithonym components under the study - the names of domestic birds - to positive and negative valuation.

Key words and phrases: phraseological and paroemiological units; symbolic meaning; positive valuation meaning; ornithonym component; negative valuation meaning.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена комплексному исследованию концепции человека в романах М. Елизарова. В качестве примера были отобраны такие романы как «Библиотекарь», «Pasternak», «Мультики». Особое внимание автора уделено противостоянию человечности (кстати, хорошо вооруженной) сатанинским силам, а не конфликту человека с человеком. Основное внимание в работе автор акцентирует на героях, с их амбивалентным конфликтом и их безысходностью отстаивать свои идеи, но идеи эти восходят к низкопробным идеям слабого советского писателя. Поэтому мы не можем сказать, что герои сами выбирают подвиги, во имя которых они живут, скорее всего, это влияние различных артефактов, дающих им слепую веру в происходящее.

Ключевые слова и фразы: модернизм; постмодернизм; героический эпос; елизаровский контекст; рецепция художественной прозы; метарассказ.

Безрукавая Марина Васильевна, к. филол. н.

Кубанский социально-экономический институт

Sea_pearl@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНАХ М. ЕЛИЗАРОВА®

Концепция человека в романах М. Елизарова отличается постоянством, управляемым одним из главных авторских принципов: показывать личность, выбирающую героический путь, но не покидающую контекст, который следует признать нравственно амбивалентным или криминальным.

Схематично рассмотрим движение главных героев в романах «Pasternak», «Библиотекарь» и «Мультики». В романе «Pasternak» ключевые персонажи, независимо от разного по этическому содержанию детства, встают на вполне осознанный путь борьбы с силами, которые они считают силами сатанинскими, направленными на уничтожение самой жизни. В «Библиотекаре» юный герой, абсолютно независимый от идейных векторов человеческого существования, оказывается в кругу единомышленников, где жизнь и смерть за идею считаются единственно верным оформлением судьбы. В «Мультиках» главный герой, оказавшись в «дурной компании», попадает в детскую комнату милиции, где с ним работает некий inferнальный педагог, достигающий своей цели: трудный подросток, вставший на путь преступления, больше не занимается уголовно наказуемыми делами.

М. Елизарова часто относят к тем писателям, которые жертвуют любой формой присутствия нравственно-го начала ради постмодернистских экспериментов, предусматривающих специальный «переход границы» – отказ от классических идеалов и обращение к «сюжету преступления». Вместе с тем выявленные нами схемы этического движения героя в трех основных для автора романах показывают активизацию дидактического начала. Разумеется, это не стандартная, не каноническая дидактика. Для ее прояснения необходимо учитывать контексты ее функционирования. Но если в изучении текстов М. Елизарова задействовать архетипы верха и низа, то нельзя не признать: герои склонны двигаться именно вверх, искать правду, бороться за истину, исправлять свою жизнь в согласии с идеалом. При этом, конечно, остается вопрос о характере идеала, его, можно сказать, нарочито экстравагантной форме.

«Забавно, что «Мультики» – роман-комикс, роман-метафора, по сути являет собой классическую для русской литературы модель «романа воспитания»», – считает А. Колобродов [4]. Экстравагантность дидактического решения вопроса о человеке ярче всего проявлена в романе «Мультики». Хороший подросток Герман Рымбаев, покинув «маленький Краснославск», вместе с родителями переехал в «большой город, где есть метро и оперный театр». Благодаря «рельфным мускулам», приобретенным еще в провинции, Герман свободно входит в группу местных хулиганов-гопников, занимает в ней свое прочное место и начинает принимать участие в акциях по криминальному добыванию денег у граждан, встречаемых в темных подворотнях.

Параллельно резко падает общий нравственный уровень тинейджера: он перестает читать, пьет, заводит беспорядочные половые связи. Одним словом, совершает закономерное для такого контекста движение вниз, которое должно привести к тюрьме или ранней смерти.

После очередного мелкого преступления Рымбаев оказывается в детской комнате милиции, которая (по законам елизаровской прозы) начинает приобретать inferнальный характер, впрочем, сохраняя очертания детского исправительного учреждения. Здесь к Герману в атмосфере сгущающейся тьмы приходит известный педагог Алексей Разумовский (то ли живой, то ли давно мертвый), который начинает с помощью диалектора разворачивать перед трудным подростком свою весьма непростую жизнь.

Именно здесь елизаровская концепция человека выстраивается в откровенно гротескной форме. Рассказ («чудесный» показ диафильма) Разумовского – явление мальчика Алеши Разума, выходящего из трудной семьи (ее образ в романе вполне детализирован), который последовательно убил и расчленил нескольких детей. Образ ребенка-маньяка («Разум вытащил свой нож и приступил к разделке трупа» [2, с. 154]) оказывается в центре повествования и сливается с образом учителя, который в данный момент сообщает Герману Рымбаеву о своем преступном детстве.

Обреченный до конца своих дней быть в заточении за чудовищные преступления, юный Разумовский оказывается в сфере внимания известного педагога Гребенюка. «Нет ничего непоправимого», – изрекает новый наставник Алеши и рассказывает собственную историю. Будучи «мальчиком непростой судьбы», к четырнадцати годам «Гребень» стал «отпетым бандитом, развратником и алкоголиком». «Драки, женщины и спиртное» занимали его жизнь, вели к однозначному итогу [3, с. 146].

И здесь сработала уже сформировавшаяся схема: к погибающему подростку (будущему герою-педагогу) приходит персональный наставник. На этот раз Арсений Сухово, который в детстве был «настоящим бесенком», «утопил кошку Лизу», «замучил белого кролика Бобби». И так, «то была вывернутая наизнанку генеалогия – ученик исторгал из чрева учителя, а тот разрешался очередным дидактическим родителем» [2, с. 196].

Обратим внимание на самое значительное. Каждый педагог разными словами говорит об одном приеме: доверие к малолетнему преступнику окупается ответным чувством. Как следствие, возможно исправление, которое проистекает из доброго отношения наставника к подростку, начавшему выпадать из здорового общества. При этом каждый педагог в прошлом сам является преступником и воспринимает совершенные злодеяния как ступень к педагогической карьере.

В контексте интересующей нас елизаровской концепции человека это значит следующее. Человек не просто иррационален, он зловеще рационален: тот, кто убивал детей, расчленил трупы и прятал останки, безоговорочно отрезая себя от мира нормальных людей, оказывается студентом пединститута, талантливым педагогом, способным всю жизнь посвятить перевоспитанию неблагополучных подростков. С одной стороны, в этом видна некая дидактическая схема: знающий преступление способен исцелять от его последствий. С другой стороны, формируется принципиально двойственная фигура человека, в котором добро и зло существуют как части единой системы характера.

Эпические тенденции в становлении характера очевиднее в двух других романах М. Елизарова: в «Pasternak» и «Библиотекаре». Алексей Вязинцев, не слишком талантливый молодой человек, с неопределенной судьбой и неопределенным образованием, отправляется в другой город, чтобы унаследовать квартиру от умершего дяди Максима. Максим «опустился», стал «позорить семью», полностью отдав себя алкогольной зависимости. Но в последние годы с ним случилось пока необъяснимое преобразование. Максим перестал пить, все его поведение говорило о каком-то найденном смысле, о религии или «религии», полностью убравшей алкоголь и остановившей падение. Не под забором умер Максим, а был убит в границах той схватки, которая охватывает весь сюжет «Библиотекаря».

«Наследником» дядино предсмертного героизма становится Алексей Вязинцев. Став пленником одной из «читален», воюющих за книги Громова, Алексей проходит путь от смертельно испуганного юноши до сознательного бойца, понимающего закономерность служения и героической смерти. М. Елизаров внимательно следит за становлением героя-повествователя. Сначала он хочет бежать в обыденный мир, где нет никаких книг, вызывающих эйфорию и жажду битвы. Постепенно он становится участником батальных конфликтов, наравне с соратниками убивает врагов и рискует быть убитым, приобретает веру, которая всеми участниками «громовских» конфликтов оценивается как главное достояние. В данном случае «мир в мире» – это пространство пламенной веры, которая способна изолировать человека от обыденного мира и дать ему четкую цель, внести смысл в непросветленную повседневность.

Если во внешнем социуме царит раздор, и каждый человек отделен от другого, то в «мире в мире» помимо веры членов коллектива связывает сердечность, о которой неоднократно говорит Вязинцев: «Спокойная доброжелательная манера общения, исключительная деликатность и остроумие действовали на меня благотворно» [1, с. 194]. Похороны павших товарищей каждый раз оборачиваются особой мистерией, где сердечная память, несомненно, задействована. По форме перед читателем предстает секта, не существующая без учения, его пропаганды и защиты. По содержанию общество «громовцев» больше напоминает семью.

Финал «Библиотекаря» – превращение советского эпического опыта в своеобразную метафизику подвига, завершающего путь Алексея Вязинцева: «И вот канувшая страна из небытия предъявила затертые векселя о долге, в которых столько лет назад я опрометчиво расписался, потребовала стойкости, отваги и подвига. <...> Который нынче год на дворе? Если свободна Родина, неприкосновенные ее рубежи, значит, библиотекарь Алексей Вязинцев стойко несет свою вахту в подземном бункере, неустанно прядет нить защитного Покрова, простертого над страной. От врагов видимых и невидимых. <...> Я не умру никогда. И зеленая лампа не погаснет» [Там же, с. 425, 431].

Эпическая доминанта в становлении концепции человека очевиднее всего проявляется в романе «Pasternak». Пунктирно определим становление основных характеров.

Мальчик Василек приезжает к деду на летние каникулы, чтобы пройти школу доброго «народного язычества». Он узнает, что нет ни рая, ни ада, а между жизнью и смертью нет четкого перехода. Также мальчик получает представление о возможной темной миссии литературы: писатели, заигрывающие со смертью, являются ее распространителями. В становлении сюжета Василек предстает взрослым мужчиной Василием Льновым – сильным, богатым, хорошо вооруженным, напоминающим по многим признакам криминального авторитета. Но это обманчивое впечатление, специально координируемое М. Елизаровым. На самом деле Льнов – идейный боевик, призванный нанести сокрушительный удар по силам зла, собравшимся на платформе «Pasternak»: под прикрытием литературности происходит трансформация священного в демоническое. Льнов проникает в центр сатанинской организации и уничтожает врагов рода человеческого.

Льнову помогает Любченев – еще один трудный подросток в мире М. Елизарова, демонстрирующий, как полукриминальное детство может обернуться героическим будущим. Не пережив позорной истории в собственном классе, Любченев оставил школу и дом, стал жить по чердакам, постепенно обучаясь мастерству изготовления бомб. Найденный Льновым, Любченев становится технологом взрывов, которые организует Льнов – по форме боевик, по сути – спаситель. Так программирует развитие характеров сам автор.

Далее появляется скромный студент-филолог Сергей Цыбашев. Мы узнаем, что в детстве «живое пугало Серезу смертью, мертвое пугало послесмертной жизнью» [3, с. 153]. Во дворе мальчик наблюдал за десятками вариантов примитивных народных ересей, когда кто-нибудь объявлял себя Спасителем и удерживал харизму недолгое время, затем исчезая. Учась на филфаке, крестился, но вскоре религиозный пафос угас, подчинившись духу времени. Увлёкся буддизмом, теософией, поэзией Серебряного века. Познакомился с катакомбным священником Григорием. «Чтение растворяет личность, она живет чужими эмоциями, отдавая душу на растерзание бумажным, но от этого не менее пагубным, страстям. Литература схожа со склепом, в котором страницей, камень за камнем замуровывается дух...», – сообщает Сергею пастырь [Там же, с. 182]. В семинарию молодой человек поступать не стал, но в священники был рукоположен, чтобы быть, как сказано в романе, «духовным ассенизатором». Отец Сергей начал уничтожать разные оккультные организации, и сюжетную ситуацию «священник убивает духовных врагов» М. Елизаров прописывает во множестве конкретизирующих деталей.

Как и в случае с Василием Льновым, у о. Сергия есть помощник – Леха Нечаев. Детство его проходило в отвратительных контекстах. Особый акцент – на отношениях с отцом, который за отсутствием денег дарил сыну по праздникам право произносить новые неприличные слова. «Хотя Леха и не верил в Бога, Цыбашев посвятил его в свой труд, ибо согласно Евангелию, даже во блюде пребывающий ближе к Царству Божию, чем фарисей, взбирающийся на вершину Закона», – вновь автор выстраивает систему, согласно которой «преступник» становится «защитником», словно доказывая необходимость взаимодействия двух этих полюсов [Там же, с. 222]. Критики часто пишут о сектантском пафосе героев М. Елизарова: «При этом сама «библиотечная» система описывается Елизаровым как «жестокое и закрытое общество», а её члены – как «люди больные, маниакальные, восторженные и чудовищно жестокие». Тем самым в организации этой системы отчетливо выявляются черты религиозной тоталитарной секты. Перед нами действительно история вымышленного культа» [7].

Многие критики отказывают М. Елизарову в психологизме. Например, А. Латынина пишет: «Впрочем, характеров в романе нет. Герои-функции, родом из комиксов. Логика тоже немного. Русское язычество, которому предан киллер Львов-Льнов (воспитанный дедом в идилической пряничной деревне с укладом тысячелетней давности, где покойника не в земле хоронят, а погребальный дом строят, а неудачного младенца с песнями и плясками в реку кидают), и православный фундаментализм священника Цыбашева оказываются союзниками в борьбе против духовной заразы, с разных концов через интеллигенцию наплывающей на Русь. Это с какой же стати?» [5].

Герои, стремящиеся к праведности, уничтожают грешников всеми доступными средствами, которые подробно описывает М. Елизаров. Объяснение – в бесчеловечности врагов, в их демонической сути. Не конфликт человека с человеком интересует М. Елизарова, а противостояние человечности (кстати, хорошо вооруженной) сатанинским силам. В таких условиях начинает работать структурная схема героического эпоса, когда герой разрушает силы зла, представляющие ад и мировое зло: «Масса демона колебалась между одной своей частью, распыленной по книгам и душам, и второй, что обреталась в бездне. Имя мертвого поэта как троянский конь укрывало зло. Через оболочку *Pasternak* демоническая туша в достаточной мере овладела миром человеком, чтобы перетянуть свой остаток из бездны в материальность» [3, с. 256].

Женщины в мире М. Елизарова не имеют самостоятельного места. Можно сказать, что женственность не входит в елизаровскую концепцию человечности – подчеркнуто мужественную, брутальную, совмещающую преступление и подвиг. В романе «Библиотекарь» читатель встречает «грозный мифологический реликт громовского мира – Ольгу Данкевич. Попирая слоновьи ноги трупы, она шла в неприступном трехметровом радиусе своего кистеня, высвистывающего то мертвые петли, то восьмерки» [1, с. 346]. Маргарита Тихоновна, казавшаяся ближайшим наставником Алексея Вязинцева, оказывается предателем. Аня и Света в «Мультиках» – две молодые девушки, которые напоминают навсегда падшие создания, которые могут участвовать в качестве приманки в «сюжете преступления», но не в «сюжете любви».

«Поклонение обладающему сверхъестественной силой печатному фетишу сочетается с непреодолимым страхом перед магической энергией книги, подчиняющей себе человека: «Литература схожа со склепом, в котором страница за страницей, камень за камнем замуровывается дух...» («Pasternak»). В первом романе все действие сцементировано этой мистической оторопью – героям остается только сражаться с фантомами, в «Библиотекаре» чувство страха уже утрачено, и читатели таинственных громовских книг с радостью подчиняются силовому полю прочитанного. Пройти мимо свидетельства мистической жизни слова нельзя», – пишет Е. Погорелая [6].

При всей эпичности, а иногда (особенно в «Библиотекаре») и сердечности человек, воссозданный М. Елизаровым, не производит впечатления свободного существа, действующего в контексте развитого гуманизма. Трудно не заметить особого рода механистичность, востребованную при создании практически всех образов и главных, и периферийных героев. В романе «Мульттики» Герман Рымбаев не просто проходит этапы перевоспитания, он получает своеобразный заряд ужаса, который заставляет его порвать с криминальным миром и впасть в состояние, где страхи и психические расстройства не менее реальны, чем факт включения в относительно благополучный социум.

Героизм Алексея Вязинцева, его соратников и противников не имеет никакой естественной связи с историей. Возникает концепция жестокой игры, в границах которой всякое действие эпично и абсурдно одновременно. Герои готовы умереть за свои идеи, но идеи эти восходят к низкопробным идеям слабого советского писателя. Следовательно, речь идет не о свободном выборе подвига. Скорее стоит говорить о зависимости человека от властных, тоталитарно действующих артефактов. В «Мульттиках» таким артефактом становится показанный Рымбаеву диафильм, в «Библиотекаре» – семь романов Громова, обладающие магическим действием, не имеющим альтернативы.

Список литературы

1. Елизаров М. Библиотекарь: роман. М., 2009. 432 с.
2. Елизаров М. Мульттики: роман. М., 2010. 320 с.
3. Елизаров М. *Pasternak*: роман. М., 2008. 296 с.
4. Колобродов А. Мульттики без пульта, или Конец чебурашки [Электронный ресурс] // Волга. 2010. № 5-6. URL: <http://magazines.russ.ru/volga/2010/5/ko20.html> (дата обращения: 16.03.2014).
5. Латынина А. Случай Елизарова [Электронный ресурс] // Новый Мир. 2009. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/4/la13.html (дата обращения: 16.03.2014).
6. Погорелая Е. «Кровавый отсвет в лицах есть...» Михаил Елизаров [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2009. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/3/po6.html> (дата обращения: 16.03.2014).
7. Щербинина Ю. Гомо Фантастикус [Электронный ресурс] // Крещатик. 2011. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/kreschatik/2011/2/sh26.html> (дата обращения: 16.03.2014).

CONCEPTION OF A HUMAN BEING IN THE NOVELS BY M. ELIZAROV

Bezrukavaya Marina Vasil'evna, Ph. D. in Philology
Kuban Social and Economic Institute
Sea_pearl_@mail.ru

The article is dedicated to the complex analysis of the conception of a human being in the novels by M. Elizarov. Such novels as “The Librarian”, “Pasternak”, “Cartoons” were chosen as examples. The author pays special attention to the confrontation of humanity (well-armed, by the way) and satanic forces, rather than a confrontation of human beings. The paper accentuates the characters, with their ambivalent conflict and desperate attempts to stand up for their ideas, but these ideas originate in low-grade conceptions of a poor Soviet writer. That’s why we can’t say that the characters choose their feats of vital concernment all by themselves, it is probably the influence of various artifacts enduring them with an implicit belief in the ongoing.

Key words and phrases: modernism; post-modernism; heroic epos; Elizarov’s context; reception of fiction; meta-story.

УДК 378.016:811.161.1

Педагогические науки

В статье описываются некоторые методические подходы к моделированию ситуаций общения при обучении русскому языку как иностранному. Предлагаются альтернативные способы построения типологии коммуникативно-речевых ситуаций, в том числе основанных на принципе игровых ролей. Намечаются стратегии обучающего диалога со студентами в ситуации неродной языковой среды.

Ключевые слова и фразы: русский язык как иностранный; коммуникативная компетенция; коммуникативно-речевая модель; типология коммуникативно-речевых ситуаций; игровые роли; неродная языковая среда.

Бирюкова Анна Борисовна
Университет Северного Техаса, США
biranna77@gmail.com

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В УСЛОВИЯХ НЕРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ©

В современной практике обучения русскому языку как иностранному (РКИ) одним из приоритетных является коммуникативно-деятельностный подход, основывающийся на знании реалий как своей, так и осваиваемой